

Сергей АНТИПИН

Сергей Антипин родился в 2003 году в Челябинске, живет в Москве. Студент Литературного института им. А. М. Горького. Публиковался на портале «Новая карта русской литературы» и в независимом проекте «Сверхновый Карфаген».

ЧЕЛОВЕК ИМЕНИ...

Рассказ

Ударившись головой о дверной косяк, он забыл своё имя и выронил ключи. Ему бы заметить потерю, предпринять какие-то действия, сделать хоть что-нибудь. Но он забыл.

На месте удара проклюнулось беспмятство – и по неосторожности прямо туда он их выронил, в эту образовавшуюся замочную скважину.

Мир больше не держится в нём как прежде. Просачивается, перетекает. Не держатся и ключи, и имя. И любой жест разжигается в пространстве.

Действия дырявы, их не наполнить настоящим.

Он почесал голову, где болело, и направился к лифту. Глупо посмотрел на него и пошёл лестницей.

Вечером всё перевернулось. Он возвращался извилистым маршрутом с бутылкой под мышкой. Возвращался наугад запрокинутыми старыми парками, дворами, переулками, мимо истекающих уличных препятствий. От магазина, где урвал эту бутылку. Такую попробуй урви. Просачивался с ней из улицы в улицу. Иногда останавливался, в себя приходил, оглядывался, пытаясь хоть что-то запомнить.

Тела не стояли на месте – ни в пространстве, ни в памяти. И место не стояло. Одно переливалось в другое: скамейка в прохожего, прохожий в собаку, собака в урну, урна в ограду, ограда – в светофор... Так постепенно парк перелился в дорогу с пешеходным переходом, светофор – в машину. И дальше, дальше... Но всё мимо него или сквозь, не оставляя улик.

До магазина он шёл по указателям, расставленным от самого подъезда, и по пути перебирал набежавшие в голову имена. Мало того что он не помнил, как зовут его имя, он не помнил и как оно выглядит, сколько ему лет, откуда оно. Какое ни выбери, пусть даже точную копию того самого имени. Имя ушло и уже не вернётся тем же.

Указателей прибавлялось. До того, что нельзя было от них отвертеться. Длинные качающиеся ветви; ветер и облака; случайные жесты прохожих; трепыхнувшийся край платья; солнечные зайчики; полёты птиц и насекомых; дорожные знаки со стрелками; отчётливый точечный шум...

В то же время город некоторым образом дразнил его, даже издевался. Улица Франца..., переулок Сигизмунда..., аллея Сэмюэля, улица Андрея... в сожительстве с улицей Венедикта..., проспект Витольда..., парк имени кого-то, вроде бы Элиаса..., набережная без имени..., переулок Гюнтера..., тупик Джеймса... (упёрся – повернул назад). Только на набережной он мог передохнуть от экспансии чужих имён, стирая с себя очередное прозвище, которое давал ему город... «Человек имени переулка Гюнтера...», какой стыд!

Заключительным указателем стал велосипед с подмешанным к нему наездником в шлеме. Он следовал им довольно долго, по колеблющейся, ненадёжной тропе, через

дремучий парк, через его заросли и комариную морось, пока указатель не выехал на внезапный простор с торговыми павильонами и не остановился у одного из них, возле велосипедной стойки. Соскочил и вбежал внутрь. Магазин откупорен. А он быстрее следом, даже дверь не успела захлопнуться. И так же быстро назад. Остановился у входа и на опустошённый велосипед задумчиво смотрит, стеклянное горлышко прощупывая. Дна не видит. А голова кругом идёт, в глазах темнеет. Пошатывается и тошнит. Очертания взмахивают крыльями. За ними провал.

И вот – внезапно – вечер. Внутренний двор с детской площадкой. Он вбегает туда с одышкой, не понимая, откуда взялась эта одышка. Ступает на бордюр, не удерживает равновесие – валится на газон, в запрокинутую траву, что не смягчила падение, но только влезла в него. Он пуст, бессилен. Доползает до лавки, как до носилок. Впереди резвятся и вязнут в игре дети, бесхозные дети, переполняя вечернюю площадку. Их всего шестеро. Однако любое их проявление добавляет в компанию ещё одного ребёнка – правда, замкнутого внутри этого проявления. И благо, что действия дырявы, – через прорехи тот мог дышать действительностью. Ребёнок-вскрик, ребёнок-прыг, ребёнок-взмах...

Кое-как усаживается на лавку (от этого ничего не остаётся, ничего не добавляется – за этим ведётся слежка) и кладёт бутылку на тонкую землю. Затем бутылка тщательно вертится, перемешивая пространство. А в конце – указывает. И так шесть раз. Одуванчик Качели Карусель Песочница Дерево Окно...

Близкие объекты, объекты автономные, объекты не вовлечённые напрямую в центростремительные детские шалости, просто находившиеся рядом, слегка подсвеченные своей материальностью, по воле случая подхватывались, ввергались и сообщали о себе в этих замкнутых детских проявлениях. Бутылка указывала, прокладывая путь от объекта к имени. Убегая, мальчуган совершал ряд телодвижений, в каждое из которых попадали качели и там замыкались. Он вроде бы и бежит, а вроде бы и на качелях качается – той своей частью, что осталась без имени.

Мироздание пододвинулось. Перед ним разыгрывалась сценка, где Песочница погналась за Качелями, чтобы бросить в него мяч, Карусель кружилась и падала, Дерево щекотал Одуванчик, – Одуванчик смеялась, Окно смеялся тоже, но иным смехом, рождённым из смеха Одуванчика.

Милейшее мельтешение! О ребячливые пчёлы телесности! от забавы к забаве, как с цветка на цветок, вы летите! от имени к имени! А этот смех! О, этот смех, что раскрылся в Окне, впуская настроение, рождённое в другом... Он с упоением глядел на них в бутылку, будто в подзорную трубу, и всё видел. Внешнее показывало идиллию, спокойную поверхность, игровую модель мира. Пока внутри, пронзая этот инфантильный фон, кипели страсти, *естественный отбор*, борьба, бойня, – бойня имён-узурпаторов.

Сначала, ещё у магазина,
Михаил, Иван, Артём, Дмитрий, Алексей,
Николай, Денис, Павел, Иосиф, Юрий, Игорь,
Семён, Юлий, Антон, Альберт, Роберт, Лев,
Эдуард, Тимофей, Данила, Данил, Даниил,
Роман, Фома, Кирилл, Афанасий, Вениамин,
Владимир, Никита, Фёдор, Глеб, Егор, Олег,
Арсений, Степан, Савелий, Захар, Мирон,
Макар, Лука, Елисей, Платон,
Демид, Давид, Гордей, Сергей,
Ярослав, Бронислав, Ростислав, Владислав, Станислав,

Вячеслав, Святослав, Мстислав, Радомир, Мирослав,
Всеволод, Ян, Виктор, Аркадий, Илья,
Василий, Виталий, Григорий, Евгений,
Леонид, Петр, Борис, Геннадий, Демьян,
Валентин, Константин, Анатолий, Валерий,
Георгий, Александр, Филипп, Иннокентий и даже Евламбий –
(тут установлен батут для упавшего взгляда) –

беспорядочно, с остервенением набросились друг на друга, имя на имя, с именем наголо, вонзая в имя имя, раскраивая имя, проливая имя, отрубая имя, выкрикивая в имя своё – но не его – имя. Постепенно слабые и поверженные начали отступать через приоткрытое беспамятство на *освобождённые бутылкой территории*, и начинали там окапываться, возводить стены своего имени. Другие собирались в группы и шли походом на прочие крепости имён. Из локального конфликта, из междоусобицы за безымянное – это переросло в полномасштабное военное действие, протекающее далеко за его границами. От любого объекта вокруг веяло припоминанием. Пленение, насилие тяжкое заплотнили землю.

Тут-то он вспомнил, как недавно вспоминал – точнее проигрывал в памяти. Но что? К чему он это вспомнил, если на деле ничего не вспомнил, кроме самого факта воспоминания? Наверняка тот он, – что вспоминал, а не тот он, что вспомнил, – ещё это помнил, ещё проигрывал это в памяти, находясь в изоляции прошедшего, протекающего самое в себя от магазина до тёмного переулочка. Но между ними провал и никак им друг с другом не связаться. Приходится порознь действовать.

Прячась в тёмном переулочке, тот он вспоминал, пока мог, как остановился под козырьком с бегущей строкой – бегущей за край табло и выбегающей с другого, и в велосипед глубоко всмотрелся. В этот момент из-за угла вышел В Погонах и, точно невод, всё его внимание на себя перетянул. На два вровень подогнанных пласта с двух сторон и что-то между. Но что? Тот он силился вспомнить, всё-таки имелись кое-какие зацепки. Звёздочки, фиалковая выпущка, просветы...

В его повреждённой памяти повторялись такие же повреждённые: магазин, козырёк, бегущая строка, велосипед, угол здания. Из-за угла выходит В Погонах – выходит и останавливается. Стоит. Стоит и ждёт. Что дальше? Из-за правого погона выходит человек, заворачивает в проход между ними и идёт, – идёт откуда-то издалека. Его лицо сливается с телом, а тело сливается с одеждой, а одежда – с погонами. На выходе тот оказывается полностью в них упакован. Да что там, эти челюсти его заживо пережёвывали и не хотели проглатывать!

Тот он никак не ожидал, что воспоминание окажется настолько устрашающим, кроважидным, кошмарным. Тот он хотел крикнуть себе. Беги оттуда! Беги прочь! Прячься! Ко мне беги! Я тут, в безопасности! Садись на тот велик и езжай сюда! Зачем ты стоишь и смотришь?! Они и до тебя доберутся! Ты же видел, что они сделали!

Но тут в его памяти заговорил В Погонах. Заговаривая, заговорил.

О не беспокойтесь! Такие пустяки! Делов-то? Люди всё наговаривают, не верьте. Нечего бояться. Через минуту уже забудете обо мне. Мне немного надо. В соответствии с законными требованиями, разумеется! Плановая проверка! Начальство капает! Я только одним глазком (*воображение подвешивало между погон этот «глазок»*) в документике ваши. Это совсем нетрудно и ничего не займёт! Если ленитесь – вы только покажите, в каком кармане, всё сам сделаю! (*и рука по воле воображения высунулась из его погона, чтобы помочь*). Ах, забыли! ах, дома оставили! что ж это мне теперь, с вами до дому пройти? а куда деваться? Вы хоть у себя дома-то забыли, не у меня или у кого ещё? Если у меня, то я и сам схожу, а вы постойте, так сказать, ни с места. Погромче, вас не слышно! У себя оставили, говорите? ай-я-яй! Ключи от

квартиры потеряли! Что это у вас за неудачный денёк сегодня такой? Не с той ноги, что ли, встали? *(Да-да, и у В Погонах ноги были, но обе были не те)*. А может, кто дома остался? скажем, бабушка? дедушка... нет их? давно? а мама? папа? вдруг – мачеха? отчим? и этих нет? а брат, сестра? дядя? тетя? ну кто-то же остался! хоть кто-нибудь! Может, жена есть? дети? Не ваши, так чужие. Кто-нибудь бы через порог ваши документики! Без обхаживаний и чаепитий. Я же адекватный человек, всё понимаю: мой дом – моя крепость. Ничего против не имею. Один проживаете? Но связь с родней-то хоть поддерживаете? может кто-то из них вас выручить? дубликаты ключей? свидетельство о рождении? а мобильник-то взяли? Тоже забыли! И ни одного номера не помните... так ещё и один живёте... и ключами ни с кем не делитесь... и родственники все за границу перебрались, оказывается... Ну конечно. Слушайте, вы как будто бы чего-то не договариваете. Не надо, не надо! Вы же сами понимаете, что это всё очень *подозрительно*... Я вас насквозь вижу *(глазком своим)*. Мне зубы не заговаривать... Убили кого-то, верно говорю? Вон в том парке. Нож воткнули и убежали. Так, ради удовольствия. И изворачиваетесь теперь. Ответственности боитесь. Бутылочку прикупили... И это могу объяснить, чистая психология: этим приобретением вы бессознательно вернули себе своё орудие преступления, но как бы в вычищенном от преступления виде! Пустую оболочку вместо него оставили. Стекло! Но орудие-то никуда не делось! Просто стерильным стало! Ну что, всё верно или поспорите? Нет?! Как это нет? По-моему, иного объяснения просто не придумаешь! Не упрямитесь. Правосудие всё равно всё докажет. Да тут и доказывать нечего. Готовый приговор. Но у вас ещё есть шанс на спасение. Есть один вариант. Я очень рискую... но что поделать. Нужно же помочь человеку, попавшему в такое скверное положение! Это мой долг. Так вот что. Говорите, один живёте? ни семьи, ни родственников? и друзей нет? Так? В таком случае решение: вам нужно всего-навсего в гости меня пригласить – и я вас отпущу, без дураков. Вот моё вам предложение. Это абсолютно безопасно и конфиденциально. У других спросите, все скажут. Как-как? Да что же это такое! Что вы такое говорите! Недавно только переехали? Адрес не помните? Так ещё и в магазин пошли, заплутали и дорогу обратную забыли... Боюсь спросить, а что вы вообще помните. Кто вы – вы помните? Имя своё вы помните?! Теперь уже серьёзно спрашиваю!

Не помнит. Он помнит только, как помнил, и молчит.

В Погонах, спустя паузу, добавил: ну, ответ затянулся. Тишины нагнали. Отвечать будем? как зовут? имя ваше?!

Он отчаянно отмалчивался, пытаясь целиком влезть в бутылку. Какой-то незначительной частью ему даже удавалось. Наполовину она наполнилась самым действием влезания и кучкующимися в форме сопло пальцами.

Продавленный вопрос приобрел масштабы личности – его личности, в которую вопрос и продавили. Каждое припоминаемое ранее имя откликнулось на зов. Это назревало всю дорогу до бутылки. Полчище имён, подзабытых имён, притеснённых. Оседлав коннотации, они рванулись со скоростью мысли. Михаил, Иван, Дмитрий... Савелий, Захар, Мирон... и т.д. и т.д. и т.д. и т.д. Топот, столкновение, бой. Его территория ежесекундно переходила от имени к имени. Михаила, пришедшего сразу на ум, сверг Иван, Ивана разбил Савелий, Савелия прикончил Захар, Захара шлёпнул Дмитрий... а Мирона спугнули.

Не с убедительной, а с какой-то убеждающей слёзностью В Погонах произнёс: ну же, ну! Что за проблема? Соврите уже, если не знаете, соврите! Я вас прощу. Только назовите себя!

– Человек имени... улицы Венедикта...! – это прозвучало как взрыв – на этой самой улице. Он никак не ожидал от себя такой наглости, такого, можно сказать, преступления перед именем закона...

Что вы тут устроили! Бунт? Нет, это диверсия! Она-она самая! Это уже ни в какие ворота! Я вас арестую! Раздражённый и возмущенный В Погонах очутился почти вплотную. И хоть у того были ноги, но так как они обе были не те, он подошёл к нему чем придётся – что под ноги подвернулось. Велосипедной стойкой, голубыми, штaketником, перебирая ими, как сколопендра своими лапками. Подошёл и попытался схватить повисшей погонной рукой. Но не схватил. И вот почему. Беспамятство, открывшееся в месте удара о дверной косяк, изначально было не больше замочной скважины, но чем дальше он уходил от дома и чем ближе подходил к *бутылке*, тем сильнее оно разрасталось, – и к тому моменту походило уже на щель приоткрытой двери. В эту щель юркнул В Погонах. И остался за дверью. Хуже не придумаешь.

Он побежал оттуда, он рванул прочь – мимо заборов, лавочек, урн, резкий поворот, тёмный переулок, спрятался там, переждал. В переулке его памяти смутными мазками проступал прищуренный глазок, подвешенный между погон, ноги, которые были не те, безжизненная, но властная рука и этот напор ожидания... Слушал шорохи, мышь, вспоминал случившееся, воспроизводил в памяти, пока не истёрлось, вылез, оглянулся, никого, выбрался на тротуар, огляделся, странное чувство, кто-то тут есть, высуну ладонь из бутылки, сунул бутылку в подмышку, сошёл в заросли кустарника и через них, под их прикрытием, мимо тротуара, мимо того, что сулил тротуар, пустился к тому месту, откуда – тот он – вспомнил, как другой он что-то вспоминал. От кустика к кусту – по нарастающей. Озираясь, принимаясь, просчитывая путь.

Какие шпионские предосторожности были задействованы против того, кто уже получил желаемое! кто зафиксировал своё преследование на подкорке! Пусть через приоткрытую дверь беспамятства и без приглашения, но В Погонах всё-таки попал к нему в гости. А он и не заметил – то есть забыл заметить, или заметил, но забыл, или не заметил, как забыл, – а может, и заметил... Сквозь злующие ветки, отхватывающие от него, он продирался и продирался, краснел и потел, дышал по кривой. Он нигде не видел В Погонах, уже и забыл, кто это и куда тот делся. Но – какая-то тревога, паранойя, вроде липкой дымовой завесы, окутала его исчезновение, сделав *скрыто видимым*. Обозначенным.

Он ощущал за этим незримое присутствие чужого и тайный надзор за каждым своим проявлением, даже ходом мыслей, – отчего его скрытничество в кустах перестало быть, чем оно было, – захваченное врасплох, оно вывернулось наизнанку, насытилось *подозрительностью*, чувством вины, – оказалось вдруг нарушением закона, сокрытием преступления, разворошённой уголовной статьёй. Но всё ж лучше скрывать мнимое преступление в кустах, нежели совершать мнимое преступление или самому становиться мнимой жертвой – на тротуаре, у всех на виду, где обостряются компульсии и в стремлении спрятать свою подозрительность ты лишь по уши себя в ней закапываешь.

Кустами он преодолел много ненужных подробностей, поскольку кроме кустов и их веток с листьями и, иногда, шипами, перед собой он ничего не видел. По телу ползли царапины. В ушах стоял хруст. Солнце заходило, пригибая книзу истинные тона вещей. Наконец впереди, искажаясь под воздействием веток с листьями и, иногда, шипами, что-то начало ячеисто и трепетно проглядывать. Постепенно кусты редели, заканчивались, обрываясь в истерзанное пространство проспекта Витольда...

Он остановился в нерешительности. Вгляделся, прислушался. Там, за этими листочками, люди ходят. Мамаши и папаши с детьми, дедуси и бабуся, молодёжь. Их голоса. Да как много! Вряд ли незаметно получится. Как-нибудь неподозрительно бы туда выбраться – как-нибудь так, чтобы все сочли это *нормальным*, будто такая у него работа – из кустов вылезать; чтобы его выход к людям спровоцировал не внимание, а желание зевнуть; чтобы выпотрошить из этого события весь криминальный подтекст;

чтобы отсечь следственные домыслы и попытки навязать вину; чтобы кусты стали его естественным продолжением – словно и не вылезал из них. Правда, именно постановка такой задачи с таким продуманным планом – делала её едва ли выполнимой.

И он почти совершил невозможное, когда занёс своё тщательно подготовленное, отрепетированное в уме движение, которое как бы – нормальное, как бы – естественное и обоснованное, у которого и алиби, и причины есть приличные, не к чему придраться вроде, всё выдержано доводом, внутренней мотивацией, логикой. Однако была проблема, образовавшая пробоину, и вот какая. Он пытался повторить естественность в движениях из того, как себе это представлял. Он пытался поставить естественность на том, что считал собой, на тех частях, что ему соответствовали. Пытался инсценировать её в движениях, для чего потребовалось полностью в них погрузиться и действовать ими изнутри. Он занёс свою руку, будучи полностью в ней, пригнулся в коленях, и там будучи весь, телом вперёд подался, в первую очередь себя в нём поддав... Уже и кусты перед ним склонились курсивом – точнее перед его движениями, направленными на их раздвижение.

Всё шло к успешному выходу. Ему нужно было только сохранять эту концентрацию на себе, эту изолированность от внешнего мира, это полное нахождение в движении, эту неосознанность постановки... и тогда бы он не заметил, что его действия в действительности насквозь фальшивы, вопиюще подозрительны, бездарно отыграны и что все вокруг это очень хорошо видят. Мало того: его действия прозрачны, незашифрованы, любой может проследить их сценарий, их путь от импульса в лобовой коре до прорыва во внешнюю среду, до воплощения в пантомиме, – узнать их трактовку, истинные причины, доводы, внутреннюю мотивацию, логику. Да, он бы попросту не заметил всего этого – и именно потому, что не заметил, его действия оказались бы по-настоящему естественными, нормальными и неподозрительными. Но он совершил ошибку. Он попытался сам себе зрителем стать – чтобы вроде как проконтролировать свой выход.

А место этого зрителя уже занял В Погонах... Выскользнул из приоткрытой двери беспамятства и встал там, где люди ходят, растворяясь в хождении, и с вызовом на него уставился – на ту его часть сознания, что сама хотела на это обзорное место встать да не успела и теперь на В Погонах из своих кустов смотрит с ответным вызовом. И так смотрят они друг на друга – так похоже, едино, как будто один на себя самого смотрит и видит себя самого – и всю свою подозрительную, ненормальную неестественность видит... Тот надзор, от которого ему удалось ненадолго скрыться – в кустах, в собственных движениях, в бегстве – вернулся, но теперь вместе с тем, кто его над ним исполнял. Застукан на месте! В момент укрытия подозрительного в неподозрительном – тела в кустах! Шумиха! Мигалки! Бежать!!

Он рванул, ломая ветки, на людный проспект. В Погонах – за ним. За ним – в нём. Сокращая дистанцию страха – то единственное, что их разделяло.

Сбросил с себя кусты. Сбил с ног дамочку. Она взвизгнула и повалилась, схватившись за сумочку. Её кавалер кинулся его хватать, но получил оплеуху наотмашь и отстал. Разлетелся овощной ларёк на пути, стоя голубей. Даже детишки перестали беситься и разошлись, чтобы он пробежал мимо. И он бежал мимо – и долго бежал. Люди оборачивались, сторонились, сохраняя вид непричастности. Он вызывал у них одну и ту же эмоцию, которая терялась в недоумении и интересе и вместе с недоумением и интересом шла на убыль, нисколько не узанная.

Не было никакого смысла в том, чтобы его останавливать. Бежал и бежал себе. По кругу. По тем же проспектам и улицам. А потом забыл.

И после всего этого он как ни в чём не бывало на детей смотрит! Да ещё и с бутылкой! Имена им насильно даёт, отнимая у других, хотя у самого имени – шиш! В полоумном энтузиазме своём не замечая, как В Погонах ломится из него наружу, чтобы осечь!

Ну вот, всё-таки осёк. Уличённый, пристыженный, он поднялся с лавки (с видом – словно сел сюда по ошибке) и, похрамывая, двинулся к выходу, стараясь слиться с окружением, с его хаотичными контурами. Тихо, незаметно, темно.

Вдруг в него мяч прилетел. Так уж случилось. Мягко отскочил и упал рядом. Оцепенение. Опять засада? Он услышал расшатанные шаги. Свист ветра, многочисленный скрип. Обернулся.

К нему подбежал Качели, встал на безопасном расстоянии и взглядом начал выпрашивать мяч. Глаза щурил, подбородком кивал: вон, вон...

И тут что-то странное: для него взгляд Качели, после того как он уловил его направление, перестал от мяча отличаться. Мяч в этот взгляд перетёк и стал им. Всё перепуталось. Теперь Качели *мячом* выпрашивал у него мяч, и уже не понятно, какой конкретно мяч ему нужен. Мяч единым целым циркулировал между двумя пунктами.

Он застрял на первом, между глаз Качели. А потом переключился на мяч возле своей ноги. Опустил туда отяжелевший взгляд. И вдруг это перевесило. Переперетекло. Отбросило мяч из мяча. И в мяч без мяча, воспользовавшись заминкой, взгляд проник. Качели, со своей стороны, продолжил *мячом* выпрашивать – теперь уже – *взгляд*. Но и тут переворот. Его *мяч* упёрся во *взгляд*, оказался переведён на себя и этим пронзён. *Мяч* порвало и из взгляда отбросило. Выходит, Качели взглядом выпрашивал *взгляд* – резиновый, круглый, с цветочком на боку, вон лежит, погляди.

Что же ему нужно? как вперился! что там такое? издевается? сколько махинаций... какие-то обвинения? неужто в краже?! а в чём ещё? Это подстроено, точно подстроено...

Как же он устал. От ожидания, от догадок, от подозрений. От таинственного молчания и тяжёлых детских глазах. От этой неутихающей угрозы... Он схватил *взгляд* – тот, что лежал рядом, – и с размахом швырнул в тот взгляд, что его выпрашивал.

И вот вновь он бежит – бежит оттуда, от психического преследования и наказания, от криков и слёз, от этих детей, которых ему уже вменяют в вину, мимо чужих домов, в которых толпятся свидетели, мимо ушей и глаз, которые то же, что бабочки и жуки... Поднялся ветер. Потянулись подробности. От пота и бега рубашка вживилась в него, ушла под кожу. Впереди тротуар. Никакого тротуара! Кустами. Только кустами. В Погонах близко, нагонят, уже вот-вот.

Он бросился вбок, в сторону зарослей, срезая тротуар на корню. Ему бы скорее в них скрыться, пока не загребли. Да не тут-то было.

Резко остановился, замер, уступая зелени просачиваться в его расхристанную неподвижность. Чувствуя, как В Погонах дышит ему в спину – с внутренней её стороны. Как давление и угроза усиливаются, усиливаются, усиливаются, но ничего за этим не происходит...

Остановка была вынужденной. В зарослях творился разгром – имена осаждали куст. Захватывали куст. Проводили в пока ещё кусте выборы – и вот это не куст (куст изгнан – странствует в поисках неназванного пристанища), теперь это – степан, или стёпка, степаша, степуша, стеша, степаня, стения, в крайнем случае стефан, – и другому его не назовёшь. Степан шиповника, стения сирени. *Путь свободен. Руины прежнего имени убраны.* Сделал шаг. Ещё. А вот следующий уже какой-то не такой получился. Ему словно что-то под подошву подбросили. Что-то поймало шаг в капкан, – и это уже не шаг. Шаг переобулся. Переобулся в мяч. Он сделал несколько широких

мячей до цели. Нырнул туда, в гущу шипастых степуш. Мигом погряз. Стал продираться и меняться.

Наконец вывалился, весь изувеченный, с бутылкой, перед каким-то домом. Угловой подъезд был открыт, из него по цепочке выходили грузчики, удерживая между собой различную мебель, и бочком передвигались к тут же припаркованному грузовику.

Он сбросил с себя изорванную кожу, обнажая под ней исполосанную шипами рубашку груди и рук. И так, изувеченный, полуголым, с бутылкой, отправился к этому навязчивому подъезду. Нет сомнений! конечно! здесь его убежище! здесь он живёт! А где же ещё?

Поднялся по ступеням, в проходе пропустил наружу диван. И дальше – лестницей. Пока не добрался до определенного этажа, где была отворена определённая дверь в определенную квартиру. И он вошёл туда, сам будучи неопределённым.

Тем временем война в нём сворачивалась, последние имена покидали его, оставляя за собой выжженное поле. Странствующий куст не стал там задерживаться.

Он вошёл в пустеющую квартиру. Всё перетекало... Осмотревшись, прошел по коридору в самый конец, в зал, который ещё не успели вынести – то есть вынесли весь... Там стены обклеены серым серёгой, на пол постелен мягкий михаил. Прошёл по нему мимо толика с вазой, включил святослава. В воздухе парил шаг, по пустотам блуждал куст. Поднятая пыль шаталась и отваливалась из-за активности этих двух.

Присел на застеленного афанасием бронислава, напротив – чёрный экран олега, в углу стоял платяной платон, слева висел дима с пейзажем, с потолка – евламий на проводе, справа – григорий, а в нём – тёмная улица. Там всюду расходился ураган имён. Он засмотрелся на его завихрения, думая о том, о чём уже много раз думал, но забыл.

Действия дырavy, их не наполнить настоящим. Более того – всё дыряво, всё из всего вытекает. Даже настоящее из настоящего.

Но забыл. Вынул бутылку из-под мышки, поставил на толика рядом с вазой. Но та, проиграв конкуренцию, слетела с края. Осколки керамики разлетелись по михаилу и улеглись. Куда тебе с ней тягаться? (*Шептал он над духом некогда целого.*) Этой бутылкой я проломил не один череп, выпрыгивая из кустов на тротуар. Сколько жертв! сколько имён! сколько всего в неё перетекло! Я украл эту бутылку, я украл эту квартиру, я и эту мебель украл! Я проломил головы её хозяевам на тротуаре... Я пьянь, вор, насильник, убийца и обманщик. Я падший ангел. Я преступление в чистом виде и что бы я ни делал – все мои действия ведут к преступлению, все слова. Я последняя мразь, я всё плохое, что только можно вообразить. Не зря за мной гоняются, каждая безымянная тварь. Я опасен. И мне самому от этого страшно, понимаешь? До смерти страшно. Тебе не понять, как мне страшно...

Грузчики (теперь ему известно имя каждого) продолжали обносить квартиру, но всё равно получалось, что это он сам её обносит... Тащит последнее, сидя на брониславе! Вжавшись в себя, точно в бутылку! Пошевелиться боится. Без кожи. Зато с рубашкой. Потом обливается. Дрожит. Но тащит! И ничего с этим не поделаешь – оно самовольно, неконтролируемо.

В Погонах, воспользовавшись моментом, вышел на середину комнаты и принялся ходить взад-вперёд своими ногами-чем-попало, во всех красках описывая муки ада и прелести райских куш. Рабства и свободы. Бедности и богатства. Злого и доброго. Плохого и хорошего. Такова правда. Ты и без меня её отлично знаешь. Нет в ней полутонов, промежуточного! Ну сам посуди: куда тебе такому? какие у тебя шансы? Что нажил, то и получай. А ты не помнишь, чего ты нажил, – вот и получай! Имя тебе – грешник и гниль! Даже не спорь! Мне-то лучше знать...

Брррр... Его пробрало и заколотило. Что ещё за сквозняк?

Подуло чем-то безымянным. Дверь беспамятства распахнулась настежь. Лучше и не придумаешь.

Вот так путь отхода! Спасение! Пусть этот болтает себе одно и то же, надоед... а я ускользну... не надо мне ни котлов, ни плодов ваших... выбраться бы только отсюда, выбраться... куда-нибудь, где как-то существуешь, не подозревая о том, что существуешь... *в вечном побеге*.

И, резко вскочив с бронеислава и сделав мяч в себя, он вошёл в раскрытый проход беспамятства. В Темноте нащупал ключи в замочной скважине. Дверь за собою запер.

От него одна бутылка осталась.